

**Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт русского языка им. В. В. Виноградова
Российской академии наук**

На правах рукописи

ШМУРАК РОМАН ИЛЬИЧ

**ФОРМАЛЬНЫЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ УПРЕКА В РУССКОМ ЯЗЫКЕ
(КОРПУСНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ)**

Специальность 10.02.01 - русский язык

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Москва 2021

Работа выполнена в ФГБУН «Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН».

Научный руководитель: академик РАН, профессор, доктор филологических наук Владимир Александрович Плунгян

Официальные оппоненты: профессор, доктор филологических наук Наталья Георгиевна Брагина
кандидат филологических наук Ирина Владимировна Фуфаева

Ведущая организация: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский педагогический государственный университет»

Защита состоится «___»_____ 2021 г. в ___ часов на заседании Диссертационного совета Д 002.008.01 при Институте русского языка им. В. В. Виноградова РАН по адресу: 119019, Москва, ул. Волхонка, 18/2.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН.

Автореферат разослан «___»_____ 2021 г.

Ученый секретарь диссертационного совета

доктор филологических наук, профессор

Д. М. Савинов

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Реферлируемое диссертационное исследование посвящено анализу реализации упрека в русском языке, а также вопросам применения инструментов корпусной лингвистики при решении этой задачи.

Теоретическим базисом исследования стала гипотеза о присутствии в языке упреков, способных функционировать в русском языке автономно, без привлечения контекста.

К практической части исследования относится создание экспериментального списка потенциальных конструкций упреков такого типа, а также разработка алгоритма корпусного поиска формальных средств их выражения с последующей апробацией этого алгоритма на материале списка.

Теоретические установки исследования и их практическая реализация имеют в своем основании следующие положения:

1. Появление корпусов, становление «узусного подхода», развитие «грамматики конструкций» обусловило зарождение в рамках прагмалингвистики новой «научной парадигмы» [Kuhn 1962] — лингвистики, ориентированной на работу с массивами языковых данных и видящей в этих данных сложное взаимодействие разноплановых языковых конструкций.

2. В связи с этим исследование ориентировано на упрек как собственно лингвистический объект, имеющий формальные реализации в русском языке, и стремится дистанцироваться от синтетического подхода прагмалингвистики.

3. Алгоритм «визуализации» формальных средств выражения упрека в русском языке является, по нашему мнению, решением, позволяющим в определенной мере нейтрализовать субъективизм, обусловленный проблемой «первого» шага (инициацией корпусного поиска) и проблемой «последнего» шага (интерпретацией полученных данных).

4. Собранный языковой материал подтверждает практическую целесообразность сопряжения идей грамматики конструкций и методов корпусной лингвистики при обращении к формальной стороне упрека, что позволяет говорить

о перспективе подобного подхода по отношению к различным языковым явлениям в будущих исследованиях.

5. В работе предпринимается попытка интеграции узусного и структуралистского подходов, во многом противоположных по своей природе.

Таким образом, **актуальность** представленного диссертационного исследования обусловлена его направленностью на всестороннее изучение формальных средств выражения упрека в русском языке, а также обращением к инструментам корпусной лингвистики для достижения этой цели. Работы последних десятилетий, относящиеся к теме нашего исследования и смежным явлениям речевой агрессии, в большинстве своем не ставили перед собой задачи изучения непосредственно формальной стороны упрека. В основе реферируемого диссертационного исследования лежит представление о существовании в русском языке «ингерентных» упреков, реализующихся с помощью формальных средств¹, что инициирует смещение акцента с обсуждения вопроса «что есть упрек» на решение задачи выявления упрека в русском языке посредством корпусных инструментов.

Степень разработанности темы. К настоящему времени в отечественном языкознании феномен упрека рассматривался прежде всего в рамках прагмалингвистического подхода с его вниманием к контексту и экстралингвистическим факторам. Результатом сложившейся тенденции стало появление в 1990-2020-х гг. значительного количества исследований, имеющих своим фокусом собственно содержательную сторону упрека. Ко времени написания настоящей работы лингвистикой были собраны энциклопедические по своему наполнению прагмалингвистические описания, позволяющие с определенной долей уверенности утверждать, что этап анализа содержательной стороны упрека близится к завершению. В то же время изучение формальной стороны упрека оказалось на периферии исследований, обнаруживая себя в работах в виде попыток типологизации упрека или отдельных замечаний о его «внешних»

¹ Здесь и далее термин «ингерентный» применяется по отношению к упреку именно в таком значении

признаках. Принимая во внимание вышесказанное, мы полагаем целесообразным переход от рассмотрения прагмалингвистических характеристик упрека к этапу анализа формальной стороны явления.

Таким образом, **предмет** исследования соотносится с «ингерентными» упреками и формальными средствами их выражения в русском языке, а **объект** исследования объединяет в себе широкий диапазон высказываний, попадающих в семантическое поле упрека.

НКРЯ [Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <http://www.ruscorpora.ru>] выступает одновременно в качестве **материала** исследования (контент корпуса) и **инструмента** анализа (поисковая машина корпуса).

Цель исследования обращена на доказательство функционирования в языке «ингерентных» упреков, реализация которых в русском языке возможна без привлечения контекста, а также на «визуализацию» инструментами корпуса формальных средств их выражения.

Установленная цель диктует необходимость решения следующих **задач**:

1. осуществить анализ таксономической и терминологической «размытости» упрека как языкового явления, чтобы установить рамки предмета в пределах данного исследования и обозначить «ядро» и «периферию» темы;

2. сформулировать теоретические положение и методологические принципы, на основании которых будет производиться работа с практическим материалом исследования;

3. рассмотреть маркеры упрека — субъективные единицы этапа предварительного сбора материала, позволяющие «заподозрить» наличие «ингерентных» упреков в конкретном локусе дискурса;

4. сформировать на основе выявленных маркеров экспериментальный список потенциальных конструкций упрека — объективных единиц этапа корпусного поиска;

5. разработать и проверить корпусный алгоритм «визуализации» формальных средств выражения упрека; на базе алгоритма трансформировать

потенциальные конструкции в язык поисковых запросов и произвести анализ корпусных выдач, чтобы установить возможность / невозможность реализации рассматриваемых конструкций в качестве формальных средств выражения упрека в русском языке;

6. создать на основе массивов корпусных данных доказательную базу, свидетельствующую в пользу авторского тезиса о функционировании в русском языке «ингерентных» упреков.

Научная новизна реферируемого исследования опирается на следующие тезисы:

1. Работа рассматривает упрек как лингвистический объект, исходит из корпусных данных конкретных дискурсивных реализаций и стремится дистанцироваться от синтетических подходов прагмалингвистики, что, в определенной степени, выделяет ее из тематически родственных исследований.

2. В фокусе работы находится формальная сторона упрека, а также малоисследованный к настоящему моменту феномен «ингерентных» упреков.

3. В рамках решения поставленных в работе задач, предпринята попытка сопряжения в единую методологическую «триаду» принципов грамматики конструкций (1), «классического» представления о регулярности формальных средств (2) и инструментов корпусной лингвистики (3), что по отношению к тематически близким прагмалингвистическим работам предшествующих десятилетий видится последовательным шагом в изучении упрека.

4. В процессе исследования алгоритм корпусного поиска формальных средств выражения упрека наглядно продемонстрировал свой потенциал, что позволяет надеяться на применение этого алгоритма и его модификаций в будущих корпусных исследованиях, посвященных формальным языковым средствам.

Теоретическая значимость работы обусловлена следующими предпосылками:

1. суммируются и резюмируются собранные прагмалингвистикой сведения по содержательной стороне упрека;

2. обсуждается проблема терминологического и таксономического статуса упрека;

3. выдвигается предположение о двухкомпонентности структуры упрека;

4. подвергается критике идея об облигаторной зависимости упрека от контекста, предлагается и описывается альтернативная концепция «ингерентных» упреков;

5. производится на базе массивов корпусных данных анализ формальных средств выражения упрека;

6. поднимается вопрос о взаимосвязи упрека и смежных по семантике явлений речевой агрессии;

7. применительно к семантическому полю упрека рассматриваются феномены самоупрека, попрека и взаимоупрека.

Практическая значимость исследования проявляется себя в возможности использовать содержание и результаты работы:

1. в университетских курсах по современному русскому языку, РКИ, корпусной лингвистике, теории и практике коммуникации, диалогической речи, стилистике;

2. при составлении специализированных корпусов упреков и смежных семантических явлений;

3. при анализе тональности текста (Sentiment analysis);

4. для профессий, предъявляющих строгие требования к коммуникативным навыкам, — устный последовательный перевод, тележурналистика, педагогика, театральное искусство и др.

Методологическая основа исследования опирается на лингвистические методы семантического, контекстологического, дефиниционного, коммуникативно-прагматического анализа, инструментарий корпусной лингвистики, функционал лингвистической статистики, а также междисциплинарные подходы к синтезу и анализу данных.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Упрек способен выражаться в русском языке формальными средствами, а не только с помощью контекста и других прагмалингвистических характеристик высказывания. Представляется перспективной установка на преодоление существующего в отечественной лингвистике дисбаланса в сторону изучения исключительно содержательных аспектов упрека. Указанная цель может быть достигнута путем создания системной картины функционирования формальных средств выражения упрека в русском языке. Выявление и апробация инструментами НКРЯ [Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <http://www.ruscorpora.ru>] потенциальных конструкций упрека делает возможным синтез и дальнейшее развитие актуальных знаний об упреке как языковом феномене в целом.

2. Подход к упреку как к явлению, обусловленному исключительно контекстуально и способному функционировать только при определенных прагматических условиях, требует ревизии. Априорный тезис, объединяющий на метауровне неоднородные по своему составу исследования по упреку конца XX — начала XXI вв., условно может быть описан прагмалингвистической формулой: *«нет контекста — нет упрека»*. Однако, значительное количество дискурсивных реализаций «ингерентных» упреков, существующих в языке автономно от контекста, входит в противоречие с подобным пониманием явления, что заставляет предположить наличие формальных средств выражения упрека в русском языке.

3. В настоящее время в лингвистической литературе отсутствует единогласие по вопросу типологизации упрека. Исследования, выполненные лингвистами, воспитанными в разных научных школах, ожидаемо противоречат друг другу при анализе таксономического статуса упрека. При этом наименование таксона упрека может иметь окказиональный характер, а в границах одного источника могут взаимозаменяемо использоваться разные термины. В связи с ориентированностью нашей работы на формальную сторону явления, мы не ставим перед собой цель окончательного ответа на вопрос о таксономическом положении упрека в языке. Видится бесперспективным как создание очередного «авторского» таксона упрека, так и защита уже существующих таксономических классификаций в источниках. В

рамках исследования предпринята попытка отказаться от «абсолютной» таксономизации упрека в пользу «относительного» (применительно к целям и задачам исследования) рассмотрения места упрека в системе русского языка.

4. Проблема точной «формулы» упрека как языкового феномена должна рассматриваться, по нашему мнению, подобным же образом. Разноликость дефиниций упрека, представленных в различных источниках, убеждает в избыточности очередного резюмирующего определения, а также ставит под вопрос практическую целесообразность существующих. Решение задачи по очерчиванию границ семантического поля упрека лежит, на наш взгляд, в плоскости выработки теоретических критериев, применимых в рамках исследования при отборе языкового материала. Контекст, коммуникативная цель, субъектно-объектные отношения — три базовые характеристики, которыми оперирует при работе с упреком абсолютное большинство лингвистов вне зависимости от их научных установок. Беря за основу эти характеристики, мы полагаем, что упрек как явление может быть описан посредством своей двухкомпонентной природы. Первый компонент соотносится с семантическим полем «обвинение», что вводит упрек в сферу речевой агрессии. В качестве второго выступает эмоциональная составляющая, имеющая выраженную негативную окраску и передающая состояние «уязвленности» субъекта высказывания².

5. Реферируемое исследование, обращаясь к формальным средствам выражения упрека, в то же время призвано служить наглядной иллюстрацией высокого потенциала корпусного подхода в целом. Мы убеждены, что триада «корпус — грамматика конструкций — регулярность формальных средств» в сочетании с «узусным» подходом станет частью «доказательной» лингвистики завтрашнего дня. «Визуализация» формальных языковых средств инструментами корпуса делает возможным эмпирическое доказательство существования тех или иных явлений в языке. Возможности корпуса к обработке массивов данных позволяют лингвисту как идти от дискурсивных воплощений к абстрактным

² Именно второму компоненту принадлежит решающая роль при отграничении упрека от других феноменов речевой агрессии.

конструкциям, так и апробировать свои «догадки», трансформируя их в поисковые запросы. Объективность подобных корпусных данных (а следовательно их практическая ценность для науки) трудно оспариваема.

Апробация результатов исследования. Тезисы и принципы настоящей диссертации обсуждались на заседаниях Института русского языка и культуры в Ханчжоу (Zhejiang University, School of International Studies). Отдельные положения и предварительные итоги были отражены в форме доклада «Reproach as speech strategy» на конференции International Symposium of English Writing Centers in Chinese Universities: Collaboration and Development of English Writing Centers (2019). Ключевые результаты и выводы работы были опубликованы в трех статьях, вышедших в свет в рецензируемых научных изданиях, входящих в список ВАК РФ. Работа прошла апробацию в отделе корпусной лингвистики и лингвистической поэтики ИРЯ им. В. В. Виноградова РАН.

Структура диссертации предопределена логикой освещения этапов исследования. Работа включает в себя введение, три главы, заключение, библиографию, список иллюстративного материала и приложение.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Введение устанавливает следующие параметры исследования: степень разработанности темы; актуальность; предмет и объект; основную гипотезу; материал и инструмент; цель и задачи; научную новизну; теоретическую значимость; практическую значимость; теоретическую базу; методологическую основу; положения, выносимые на защиту; апробацию результатов.

Комплексная реализация всех уровней исследования (теоретического, методологического, практического) нашла свое последовательное воплощение в трех главах настоящей диссертации.

Глава I. Теоретические аспекты упрека как языкового явления

Глава I. посвящена систематизации современных представлений о природе упрека, анализу содержательной стороны изучаемого явления, а также вопросам

таксономического и терминологического статуса упрека в русском языке. Макроцелью главы следует считать выработку теоретической базы исследования, поскольку корпусный поиск дискурсивных воплощений на базе потенциальных конструкций упрека требует максимально четкой дескрипции границ явления. Тезисно обозначим узловые точки главы, обуславливающие достижение поставленной цели.

1. Лингвистические границы упрека.

Синтетическая природа современных исследований по упреку, расширяя горизонты понимания явления и детализируя аспекты его семантики, в то же время послужила причиной радикального перерождения концепции упрека, который практически перестал восприниматься в качестве лингвистического объекта со своими формальными характеристиками.

2. Феномен упрека с позиций словарного подхода.

Этимологические словари указывают на связь лексемы «упрек» с корнями, имеющими значение противодействия чужой воле, что указывает на изначальную конфликтность упрека как феномена и позволяет считать его структурной единицей речевой агрессии.

Абсолютное большинство толковых словарей при описании упрека обращается к лексемам с корнем «вин-». Эта тенденция демонстрирует, что высказывание, интерпретируемое как упрек, должно облигаторно содержать в себе обвинение.

Однако в отличие от «чистого» обвинения упрек имеет двухкомпонентную структуру. Упрек не только «обвиняет», но и является выражением эмоциональной «уязвленности» субъекта высказывания. Негативно окрашенная эмоциональная составляющая упрека делает возможным его отграничение от смежных феноменов речевой агрессии. При этом верхняя и нижняя границы семантического поля упрека определяются предельностью «значений» обвинительного и эмоционального компонентов. Нельзя упрекнуть как в убийстве (**Тебе лишь бы убить человека!*), так и в любви (**Тебе лишь бы любить ребенка!*), из чего следует, что упрек находится в среднем диапазоне «эмоционально-обвинительного»

воздействия. Сказанное подкрепляется свидетельствами синонимических и идеографических словарей.

Невозможность использования лексемы «упрек» и однокоренных с ней для выражения упрека (то есть «в перформативном употреблении», говоря языком прагмалингвистики) подтверждается в целом данными словарей всех типов³.

3. Таксономический статус упрека.

Упрек может пониматься в зависимости от научной школы, сформировавшей взгляды лингвиста, в качестве речевого акта, речевого жанра, речевой стратегии / тактики, речевого воздействия, речевой манипуляции, и это далеко не полный список возможных подходов к определению места упрека в системе языка. В рамках Главы I. представлен детальный разбор основных таксономических определений. Анализ показывает, что работы по упреку вне зависимости от научных установок авторов в той или иной мере имеют своим основанием три базовых параметра, упомянутые ранее, — контекст, коммуникативная цель, субъектно-объектные отношения. Сказанное наводит на мысль, что именно эти характеристики, а не отдельные таксономические дефиниции, должны учитываться при корпусной работе с упреком.

4. Контекст, коммуникативная цель, субъектно-объектные отношения.

Контекст является наиболее важным параметром для отбора практического материала нашего исследования. За границы работы полностью выводятся «контекстуальные» упреки, обуславливаемые прагматическим окружением, поскольку исследование посвящено формальной стороне феномена и рассматривает только «ингерентные» упреки, не нуждающиеся в контексте для интерпретации и имеющие формальное выражение в языке.

Коммуникативная цель упрека вытекает из его двухкомпонентной структуры и в обязательном порядке содержит две интенции субъекта — обвинить объект

³ Отметим однако, что «иллокутивное самоубийство» [Вендлер 1985] глагола «упрекать» не происходит в случае появления «отрицательной перформативности»: «Я не упрекаю вас, но...». Это исключение было отмечено в [Булыгина, Шмелев 1997: 413], и корпусный материал подтверждает его справедливость.

высказывания (вызвать у него чувство вины) и выразить свою эмоциональную «уязвленность» его реальными или мнимыми действиями⁴.

Как видно из описания коммуникативной цели явления, упрек не может быть воспринят вне субъектно-объектных отношений в высказывании. Роль субъекта упрека доминантна и приоритетна, а объект выступает в качестве акцептора. Однако функция объекта не сводится исключительно к пассивной акцепции. Упрек не может состояться как без обвинения и эмоциональной «уязвленности», порождаемых субъектом, так и без интерпретации, производимой объектом⁵.

5. Психологические аспекты упрека.

Очевидно, что упрек, представляя собой прием психологической манипуляции с целью вызвать чувство вины, изначально являлся объектом изучения психологии. Следуя традиции юнгианского анализа, можно предположить, что упрек имеет архетипическую природу. Однако, ставя себе целью исследование формальной стороны феномена и стремясь дистанцироваться от восприятия упрека с синтетических позиций, мы сознательно оставляем рассмотрение психологических аспектов на суд работ, созданных в русле психолингвистического направления.

6. Попрек, самоупрек, взаимоупрек.

При упоминании этих традиционно ассоциируемых с упреком явлений, в прагмалингвистических исследованиях прослеживается явная тенденция к выделению черт, которые могут быть интерпретированы как уникальные, не свойственные упреку как таковому. Мы не разделяем такой подход и полагаем, что попрек и самоупрек как языковые феномены и взаимоупрек как особая коммуникативная ситуация имеют с упреком гораздо больше общего, чем

⁴ Помимо двух обязательных задач в коммуникативную цель упрека могут включаться дополнительные смысловые оттенки, такие как корректировка действий объекта высказывания, оскорбление объекта высказывания, перечисление субъектом своих прошлых «благодетелей» (попрек), реакция на предшествующий упрек (взаимоупрек) и т.д.

⁵ Отметим, что наличие субъекта обязательно для упрека, тогда как прямой объект не является обязательным условием — упрек вполне может иметь «риторический» характер (см., например, «черномырдызм» — *«Никогда такого не было, и вот опять!»*). Такой упрек жизнеспособен за счет декодирования «извне» (сторонними интерпретаторами — внешними наблюдателями, лингвистами и т.д.).

частного, полностью попадают в его семантическое поле и должны рассматриваться как особые случаи именно упрека.

7. Интерпретация семантики упрека.

Дискутируется проблема интерпретации семантики упрека как языкового явления. Наше исследование посвящено формальным средствам выражения упрека. Вопрос о том, какие высказывания могут быть отнесены к упреку, а какие находятся вне его семантики, имеет для работы исключительно прикладное значение при оценке конкретных корпусных реализаций. Мы не ставим перед собой амбициозную цель окончательно ответить на вопрос, что такое упрек с позиций прагмалингвистики. Наша задача — доказательство существования в языке «ингерентных» упреков, имеющих формальное выражение. В этой связи, мы придерживаемся мнения, что частные случаи интерпретационного расхождения при трактовке конкретных корпусных примеров не должны служить основанием для утверждения об ошибочности идеи «ингерентных» упреков в целом. Ориентированность исследования на формальную сторону феномена в значительной мере нейтрализует необходимость в математически точном определении упрека, смещая фокус с анализа семантики на выработку теоретических критериев для отбора языкового материала. Выводы к Главе I. содержат перечисление теоретических критериев, необходимых для выделения и интерпретации корпусных данных.

Глава II. Методологические аспекты корпусного поиска формальных средств выражения упрека

Глава II. представляет собой переход от рассмотрения теоретических аспектов упрека к разработке методологической базы исследования. Задачами главы является анализ закономерностей, характерных для корпусного поиска формальных средств выражения упрека, а также формирование экспериментального списка потенциальных конструкций упрека. Ключевые тезисы главы конспективно намечены ниже.

1. Структура методологической базы исследования.

В рамках работы методология корпусного поиска формальных средств выражения упрека проявляет себя как:

- реализация теоретических положений первой главы путем отбора конкретных инструментов — маркеров и потенциальных конструкций упрека;
- раскрытие механизмов, оказывающих влияние на корпусный поиск формальных средств выражения упрека;
- ревизия современных прагмалингвистических работ по упреку, с целью поиска и оценки таксономических разрядов и классификационных групп, а также иных сведений по формальной стороне феномена, что позволит при выделении потенциальных конструкций упрека учесть опыт предшествующих исследований.

Практическая часть работы разветвляется на этап предварительного сбора материала и этап корпусного поиска, логически объединяемые идеей «ингерентных» упреков, имеющих в языке формальное выражение. Аргументация идеи зиждется на методологической «триаде», включающей в себя корпусный подход, принципы грамматики конструкций, понимание регулярности как свойства формальных языковых средств:

Опираясь на принципы корпусной лингвистики, мы исходим из мысли, что формальные средства выражения упрека, имеющие низкую «концентрацию» в языке и поэтому не поддающиеся регистрации методом прямого наблюдения, могут быть выявлены на базе массивов корпусных данных.

Разделяя представление о языке как комплексной взаимообусловленности разноплановых конструкций, а не стихийном «потоке» всевозможных лексем, мы рассматриваем упрек сквозь призму понятийного аппарата грамматики конструкций. Исходя из этого, итогом Главы II. стало формирование списка потенциальных конструкций упрека, которые затем были трансформированы в поисковые запросы и апробированы на базе корпуса.

Аналогия с грамматическими средствами языка наводит на мысль, что преобразованная в поисковый запрос потенциальная конструкция, чья выдача будет содержать упреки в преобладающем количестве, может рассматриваться как формальное средство выражения упрека, поскольку демонстрирует регулярность,

присущую формальным языковым средствам. С целью обеспечения максимальной объективности в исследовании установлен статистический порог, сверхвысокий уровень которого, по замыслу работы, априори обнаруживает регулярность конструкции. По условиям исследования потенциальная конструкция признается средством выражения упрека в случае, если 90% примеров корпусной выдачи, полученной в результате трансформации конструкции в поисковый запрос, попадают в семантическое поле упрека.

2. Маркеры и формальные средства выражения упрека.

Маркер упрека — это фрагмент⁶ высказывания, позволяющий «заподозрить» наличие упрека в анализируемом языковом материале. Маркеры упрека являются субъективными единицами этапа предварительного сбора материала, что означает их абсолютную зависимость от восприятия исследователя, его интуиции, мировоззрения, личностных характеристик и научных установок. Маркеры упрека в норме не проявляют семантической и / или синтаксической завершенности, так как не имеют системной языковой природы. Можно сказать, что маркеры упрека — это сущности, которые могут функционировать только в пространстве модели, облигаторно включающей сознание интерпретатора. По своей «способности» указывать на упрек, описываемый дискурсивный феномен условно подразделяется на маркеры 1-го и 2-го приближения. В основе разграничения лежит оппозиция по уровню субъективности и специфичности⁷. У маркеров 1-го приближения уровень субъективности высокий, а специфичности низкий, тогда как у маркеров 2-го приближения — наоборот. Например, в процессе исследования было отмечено, что наречие «зря» («*Налей! Огурца зря не купил: колбаса желудок запаковывает...*» [А. П. Платонов. Чевенгур (1929)]) и личное местоимение «ты» («— *Я говорила, что телевизор нам не нужен! Зачем ты его купил? Теперь что будем с ним делать?*» [Владимир Голяховский. Русский доктор в Америке (1984-2001)]) по

⁶ Маркер упрека — это не обязательно лексема или сочетание лексем. Маркер может иметь грамматические, синтаксические и т.п. признаки, а очень часто и гетерогенную природу.

⁷ Термин «специфичность» заимствован нами из понятийного аппарата медицинской статистики, где «под специфичностью понимают вероятность того, что здоровый будет классифицирован как здоровый» [Альбом, Норелл 1996: 36]. По аналогии с медициной, в нашем случае «здоровые» — это высказывания, имеющие высокую вероятность оказаться упреками, а «специфичность» — уровень этой вероятности.

отдельности довольно часто встречаются в упреке, что вызывает разумную «настороженность» при виде этих лексем в высказывании и позволяет отнести их к маркерам 1-го приближения. Однако утверждение, что высказывание с этими элементами всегда упрек, будет немотивированно субъективным и очевидно неверным, так как высокий уровень встречаемости ни в коей мере не гарантирует высокую специфичность к упреку. Гораздо большей «диагностической ценностью» обладает сочетание этих лексем — «зря ты». Хотя само по себе «зря ты» не имеет семантической и синтаксической автономности, высказывания, содержащие этот маркер 2-го приближения, демонстрируют более высокую специфичность к упреку («Говорил я тебе: *зря ты шубу купила*» [И. М. Косых. Нелегалы // «Волга», 2011]). Конечно, маркер 2-го приближения, как и маркер 1-го приближения, имеет субъективную природу и не является абсолютной гарантией нахождения упрека в изучаемом материале, однако он может выступать в качестве некой отправной точки при прогнозировании и формировании потенциальной конструкции упрека⁸.

Формальное средство выражения упрека — это потенциальная конструкция, которая при трансформации в поисковый запрос обнаруживает такую «реакцию» корпуса, когда более 90% результатов выдачи представляют собой «ингерентные» упреки. В отличие от маркеров, формальные средства выражения упрека относятся к объективным единицам этапа корпусного поиска, так как решение о их природе принимается на базе унифицированного алгоритма апробации и массивов корпусных данных. Несмотря на известные проблемы интерпретации, прохождение конструкцией статистического порога исследования представляется объективным свидетельством ее формальной сущности.

Узловой вопрос о границах маркеров и формальных средств упрека имеет две стороны: дифференциация маркеров 1-го и 2-го приближения и различение маркеров 2-го приближения и потенциальных конструкций упрека.

⁸ Анализ механизма перехода от единиц субъективного уровня (маркеров 2-го приближения) к единицам объективного уровня (потенциальным конструкциям упрека) в свете своей выраженной психолингвистической природы остается за пределами нашей работы. Все же отметим кажущуюся перспективность подобного самостоятельного исследования в будущем.

Как упоминалось ранее, разграничение маркеров 1-го и 2-го приближения базируется на оппозиции по субъективности и специфичности: чем ниже субъективность и выше специфичность, тем больше «приближение» маркера упрека. Формальной границей между этими двумя группами является «статистическая пропасть»: разница в цифрах выдач маркеров 1-го и 2-го приближения может составлять несколько порядков, в то время как маркеры 2-го приближения и формальные средства выражения упрека, как правило, предъявляют выдачи в пределах одного порядка.

Трудность разграничения маркеров 2-го приближения и формальных средств выражения упрека связана с высоким уровнем специфичности к упреку, который может обнаруживаться не только у формальных средств, но и у маркеров. Непреодолимым препятствием, устраняющим саму возможность смешения этих явлений в корне, и соответственно базовым критерием, лежащим в основе разграничения, является различная парадигмальная природа — субъективная сущность маркеров и объективный характер формальных средств. К дополнительным критериям разграничения следует также отнести отсутствие у маркеров системной природы, а также синтаксической и смысловой завершенности.

3. Фактор интуиции: проблема «первого шага».

Корпусный поиск формальных средств выражения упрека испытывает влияние фактора интуиции, который является триггером «проблемы первого шага». Под этим терминологическим сочетанием мы подразумеваем следующие аспекты:

— зависимость корпусного поиска от интуиции и бессознательного исследователя. Какими бы объективными и унифицированными не были дальнейшие шаги при работе с языковым материалом, первый шаг в ряду прочих неизбежно является неконтролируемым со стороны самого исследователя и целиком определяется его личностными и научными установками;

— корпусный поиск испытывает влияние не только интуиции и индивидуальности исследователя, но также составителей корпусов, чьи научные

взгляды и личностные черты накладывают свой отпечаток на конфигурацию корпусных данных, а следовательно и на результаты корпусных исследований на базе этих данных;

— исключение фактора интуиции из процедуры корпусного поиска не представляется осуществимым так же, как не представляется осуществимым удалить интуицию из научного анализа в принципе. Более того, учитывая случаи «нулевой встречаемости»⁹ такой шаг лишил бы исследователя возможности оценить заведомо ложные результаты.

4. Фактор интерпретации: проблема «последнего шага»

Субъективный интуитивизм проблемы «первого шага» выдвигает на передний план фигуру интерпретатора корпусных данных — персону исследователя, наделенную интуицией, собственной картиной мира, научными установками. Зависимость процедуры корпусного поиска от фактора интерпретации порождает еще одно ключевое влияние — «проблему последнего шага», включающую в себя следующие аспекты:

- относительность статистики;
- относительность репрезентативности.

Оба аспекта имеют в своем основании фигуру интерпретатора, чье восприятие упрека строится на субъективном чувстве носителя языка, и, как следствие, имеет большой потенциал к различным погрешностям и девиациям при трактовке полученных корпусных данных¹⁰.

5. Список маркеров и потенциальных конструкций упрека.

Итогом Главы II. явилось создание экспериментального списка маркеров и потенциальных конструкций упрека для последующей корпусной апробации. При формировании списка мы стремились по возможности отразить генетическую связь маркеров и формальных средств выражения упрека, а также

⁹ Ситуация, когда корпус демонстрирует полное отсутствие выдачи на поисковый запрос, который, исходя из здравого смысла и интуиции носителя языка, безоговорочно должен был бы иметь корпусные реализации (см., например, нулевой индекс встречаемости у словосочетаний «*опасный безумец*», «*стройная возлюбленная*», «*веселая шуточка*» по всем корпусам НКРЯ).

¹⁰ Немаловажную роль играет и неизбежная пристрастность исследователя, стремящегося в зависимости от своих установок доказать или опровергнуть наличие семантики упрека в изучаемом материале.

продемонстрировать «переход» от единиц субъективного уровня (маркеров) к единицам объективного уровня (конструкциям). Список не притязает на абсолютную законченность или универсальность и имеет экспериментальную и авторскую природу.

Глава III. Представление результатов корпусного исследования формальных средств выражения упрека в русском языке

Глава III. представляет собой реализацию на практике теоретических положений и методологических принципов, рассмотренных в Главах I — II.

1. Процедура корпусного поиска формальных средств выражения упрека.

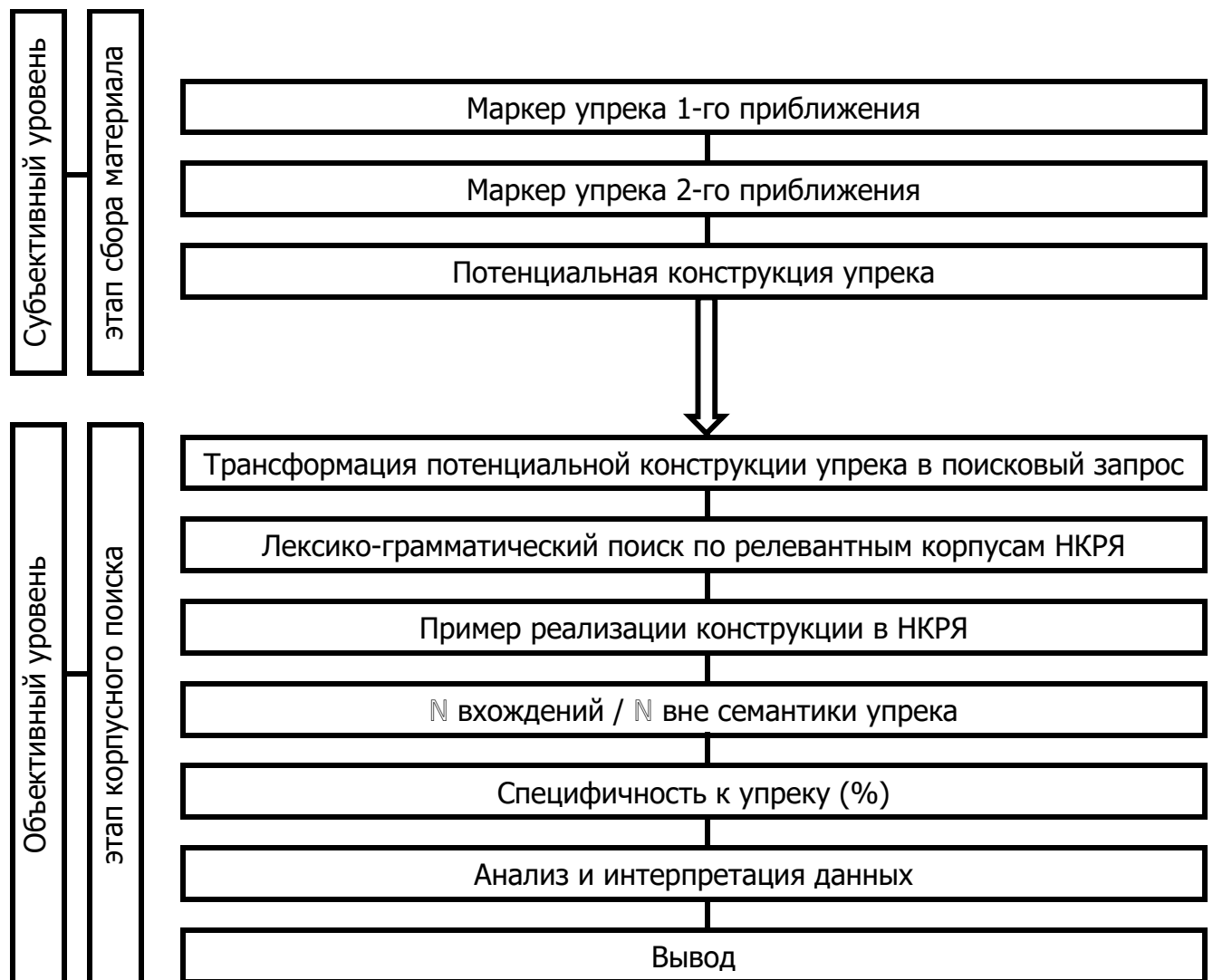

Рисунок 1 — Алгоритм апробации потенциальных конструкций упрека в НКРЯ

Рисунок 1. в сокращенном виде пошагово иллюстрирует алгоритм корпусной «визуализации» формальных средств выражения упрека, описанный в Главе III. Назначением алгоритма является унификация корпусного поиска с целью исключения контекстуальной составляющей и нивелирования допусков, порождаемых факторами интуиции и интерпретации.

2. Данные корпусного поиска формальных средств выражения упрека.

Глава III в этой части содержит корпусные данные по 34 потенциальным конструкциям — формальным средствам выражения упрека, получившим подтверждение в результате применения описанного алгоритма. Ниже несколько в редуцированном варианте эти результаты представлены в виде Таблицы 1. На наш взгляд, полученные корпусные данные, даже с учетом их экспериментальной природы, возможных технических изъянов процедуры и допусков интерпретации, служат объективным свидетельством в пользу основного тезиса работы — наличия в русском языке «ингерентных» упреков, имеющих формальное выражение.

Таблица 1 — Корпусные данные, полученные в результате апробации потенциальных конструкций упрека на базе НКРЯ.

Формальное средство выражения упрека и спецификации поискового запроса	Пример реализации в НКРЯ	\mathbb{N} вхождений / \mathbb{N} вне семантики упрека	Специфичность к упреку (%)
«небось + опять + глагол» (небось на расстоянии от 1 до 3 от опять на расстоянии от 1 до 3 от V)	«Так и будешь ходить всю зиму? Небось, опять на перилах ездил? » [Александр Мишарин. Белый, белый день // «Октябрь», 2003]	31/1	96,7%
«сам + небось + глагол» (сам на расстоянии от 1 до 3 от небось на расстоянии от 1 до 3 от глагол)	« Сами, небось, бифитексы жрут, а нам — треска » [К. И. Чуковский. Дневник (1922)]	119 / 8	93,2%
«не упрекаю, но...» (не на расстоянии от 1 до 3 от упрекать sg, 1p на расстоянии от 1 до 3 от но)	« Я тебя не упрекаю, но зачем ты не сказал мне прямо, что исхода нет?» [А. К. Шеллер-Михайлов. Господа Обносковы (1868)]	5 / 0	100%

Продолжение Таблицы 1

Формальное средство выражения упрёка и спецификации поискового запроса	Пример реализации в НКРЯ	N вхождений / N вне семантики упрёка	Специфичность к упрёку (%)
«<i>найти</i> (прошедшее время, 1 место в предложении) + вопросительно-относительное местоимение / местоименное наречие + инфинитив (<i>найти</i> praet & act first на расстоянии 1 от SPRO APRO ADVPRO PRAEDICPRO r:rel на расстоянии от 1 до 3 от inf)	«<i>Нашел, что ребенку привезти!</i>» [Зинаида Синявская. Пазлы // «Сибирские огни», 2013]	222 / 5	97,7%
<u>вариант 1:</u> «<i>ну + что + за + одушевленное существительное</i>» (<i>ну</i> на расстоянии 1 от <i>что</i> на расстоянии 1 от <i>за</i> на расстоянии 1 от S, anim)	«<i>Спросить нельзя, господи, ну что за люди!</i>» [Татьяна Соломатина. Акушер-ХА! Байки (2009)]	124 / 1	99,1%
<u>вариант 2:</u> «<i>что + ты + за + существительное с отрицательной коннотацией</i>» (<i>что</i> на расстоянии от 1 до 3 от <i>ты</i> nom на расстоянии от 1 до 3 от <i>за</i> на расстоянии от 1 до 3 от S r:concr & ev:neg)	«<i>Что же ты за дрянь! Ведь я просил не пугать, а приучать животных</i>» [Вальтер Запашный. Риск. Борьба. Любовь (1998-2004)]	29 / 0	100%
<u>вариант 1:</u> «<i>ну + ты + и + существительное с отрицательной коннотацией</i>» (<i>ну</i> на расстоянии от 1 до 3 от <i>ты</i> nom на расстоянии от 1 до 3 от <i>и</i> на расстоянии от 1 до 3 от S r:concr & ev:neg)	«<i>Ну ты и сволочь, — только и могла сказать Ольга</i>» [Елена Белкина. От любви до ненависти (2002)]	50 / 0	100%
<u>вариант 2:</u> «<i>ну + и + существительное с отрицательной коннотацией + ты</i>» (<i>ну</i> на расстоянии 1 от <i>и</i> на расстоянии от 1 до 3 от S r:concr & ev:neg на расстоянии от 1 до 3 от <i>ты</i> nom)	«<i>Ну и сволочь же ты, Гоша!</i>» [Алексей Слаповский. Синдром Феникса // «Знамя», 2006]	119 / 0	100%

Продолжение Таблицы 1

Формальное средство выражения упрёка и спецификации поискового запроса	Пример реализации в НКРЯ	N вхождений / N вне семантики упрёка	Специфичность к упрёку (%)
<u>вариант 1:</u> «<i>тоже</i> + <i>мне</i> + одушевленное существительное» (<i>тоже</i> на расстоянии 1 от <i>я</i> dat на расстоянии от 1 до 3 от S, anim)	«<i>Тоже мне жених, украл нашу сестру, заставил нас ночью проделать такой путь и ничего не подарил!</i>» [М. И. Саитов. Островки // «Бельские Просторы», 2010]	572 / 29	94,9%
<u>вариант 2:</u> «<i>тоже</i> + одушевленное существительное + <i>выискаться</i> (прошедшее время)» (<i>тоже</i> на расстоянии от -3 до 3 от S & anim на расстоянии от -3 до 3 от <i>выискаться</i> praet)	«<i>Тоже еще один начальник выискался. Все так и нороят покомандовать, так и лезут в руководящий состав</i>» [Виктор Астафьев. Прокляты и убиты. Книга первая. Чертова яма (1995)]	30 / 1	96,6%
<u>вариант 1:</u> «<i>тебе</i> + <i>лишь бы</i> + инфинитив» (<i>ты</i> dat на расстоянии 1 от <i>лишь</i> на расстоянии 1 от <i>бы</i> на расстоянии от 1 до 3 от inf)	«<i>«Тебе лишь бы полакомиться», — упрекнула она мужа</i>» [Тамара Орлова. Ловушка для ящериц // «Октябрь», 2003]	20 / 0	100%
<u>вариант 2:</u> «<i>тебе</i> + <i>только бы</i> + инфинитив» (<i>ты</i> dat на расстоянии 1 от <i>только</i> на расстоянии 1 от <i>бы</i> на расстоянии от 1 до 3 от inf)	«<i>Тебе бы только за бабами волочиться, а до прочего и дела нет!</i>» [Алексей Иванов. Географ глобус пропил (2002)]	57 / 4	92,9%
<u>вариант 1:</u> «<i>где</i> + <i>уж</i> + личное местоимение Д. п.» (<i>где</i> на расстоянии 1 от <i>уж</i> на расстоянии 1 от (SPRO APRO PRAEDICPRO ADVPRO) & dat r:pers)	«<i>Где уже нам с вами за одним столом чай пить, когда мы повашему морщиться не умеем</i>» [Н. С. Лесков. Железная воля (1876)]	305 / 12	96%
<u>вариант 2:</u> «<i>куда</i> + <i>уж</i> + личное местоимение Д. п.» (<i>куда</i> на расстоянии 1 от <i>уж</i> на расстоянии 1 от (SPRO APRO PRAEDICPRO ADVPRO) & dat r:pers)	«<i>— Куда уж вам, — сказал комиссар дивизии. — Тут такую кашу заварили вокруг этого окружённого дома</i>» [Василий Гроссман. Жизнь и судьба, часть 2 (1960)]	151 / 1	99,3%

Продолжение Таблицы 1

Формальное средство выражения упрёка и спецификации поискового запроса	Пример реализации в НКРЯ	N вхождений / N вне семантики упрека	Специфичность к упреку (%)
<u>вариант 1:</u> «вечно + личное местоимение (2 л.; Им. п.) + глагол (2 л.; наст. вр.)» (вечно на расстоянии 1 от SPRO & nom & 2p на расстоянии от 1 до 3 от V & praes & 2p)	«— Вечно вы толкуете о жратве, как будто нет других тем для разговора!» [А. И. Батюто. Дневник (1942)]	83 / 4	95,1%
<u>вариант 2:</u> «опять + личное местоимение (2 л.; Им. п.) + глагол (2 л.; наст. вр.)» (опять на расстоянии 1 от SPRO & nom & 2p на расстоянии от 1 до 3 от V & praes & 2p)	«Евгений, ну сколько можно, опять Вы на Близнюченко ссылаетесь?» [коллективный. Форум: Телегония (2007)]	193 / 19	90,1%
<u>вариант 1:</u> «зачем + личное местоимение (2 л.; Им. п.) + всегда + глагол (2 л.; наст. вр.)» (зачем на расстоянии от 1 до 3 от SPRO & nom & 2p на расстоянии от 1 до 3 от всегда на расстоянии от 1 до 3 от V & praes & 2p)	«Зачем ты всегда, всегда отталкиваешь меня? Ты не веришь, что я тебя люблю?» [З. Н. Гиппиус. Без талисмана (1896)]	14 / 1	92,8%
<u>вариант 2:</u> «зачем + личное местоимение (2 л.; Им. п.) + постоянно + глагол (2 л.; наст. вр.)» (зачем на расстоянии от 1 до 3 от SPRO & nom & 2p на расстоянии от 1 до 3 от постоянно на расстоянии от 1 до 3 от V & praes & 2p)	«— Если тебе все равно, что я делаю, зачем ты постоянно копируешь меня?» [Анна Карабаш. Чей туфля? // «Домовой», 2002.05.04]	12 / 0	100%
«я + частица + <i>предупреждал</i> (а)» (я nom на расстоянии от 1 от PART на расстоянии от 1 до 3 от предупреждать праet)	«— Как зачем? — Я же тебя предупреждал. Я тебе по телефону все объяснил! — <i>сержусь я</i>» [Владимир Маканин. Андеграунд, или герой нашего времени (1996-1997)]	215 / 15	93%

Продолжение Таблицы 1

Формальное средство выражения упрёка и спецификации поискового запроса	Пример реализации в НКРЯ	N вхождений / N вне семантики упрека	Специфичность к упреку (%)
«сто + раз + говорить (прошедшее время)» (сто на расстоянии 1 от раз gen на расстоянии от 1 до 3 от говорить праet)	«Не трогай мои фломастеры, я уже сто раз говорила! » [Юлия Лавряшина. Улитка в тарелке (2011)]	132 / 7	94,6%
«не + стыдно + личное местоимение (2 лицо)» (не на расстоянии 1 от стыдно на расстоянии от -3 до 3 от (SPRO APRO PRAEDICPRO ADVPRO) & 2p r:pers)	«— Наташа! Ну как вам не стыдно , — говорила Маргарита Николаевна, — вы грамотная, умная девушка; в очередях врут чёрт знает что, а вы повторяете!» [М. А. Булгаков. Мастер и Маргарита, часть 2 (1929-1940)]	1885 / 49	97,4%
«личное местоимение (2 лицо) + не + совестно» ((SPRO APRO PRAEDICPRO ADVPRO) & 2p r:pers на расстоянии от -3 до 3 от не на расстоянии 1 от совестно)	«— А чем ты гордишься, позволь тебя спросить, дал он в глаз! Да как тебе не совестно , он же младше тебя!» [Алексей Моторов. Преступление доктора Паровозова (2013)]	215 / 3	98,6%
«срам да и только» (срам на расстоянии от 1 до 3 от да на расстоянии 1 от и на расстоянии от 1 до 3 от только)	«Третьего дня на бале у губернатора он танцевал с ней два раза сряду... Срам, да и только! И чего смотрит дура мать?..» [М. Н. Загоскин. Искуситель (1838)]	7 / 0	100%
«как + личное местоимение (2 лицо) + сметь (2 лицо)» (как на расстоянии от 1 до 3 от (SPRO APRO PRAEDICPRO ADVPRO) & 2p r:pers на расстоянии от 1 до 3 от сметь 2p)	«— Как ты , недоучившаяся школьница, смеешь так говорить об академике?» [Василий Гроссман. Жизнь и судьба, ч. 1 (1960)]	1255 / 8	99,3%
«сколько + можно + ?» (сколько на расстоянии от 1 до 3 от можно bques)	«— Сколько можно?! Сто лет назад развелись, а ты все мне портишь!! Ну что тебе от нас надо, придурок?! » [Татьяна Устинова. Подруга особого назначения (2003)]	257 / 9	96,4%

Продолжение Таблицы 1

Формальное средство выражения упрёка и спецификации поискового запроса	Пример реализации в НКРЯ	N вхождений / N вне семантики упрека	Специфичность к упреку (%)
« <i>какое право</i> + личное местоимение (2 лицо) + сказуемое (настоящее время, 2 лицо)» (какой асс & sg & n на расстоянии 1 от право асс & sg & n на расстоянии от -3 до 3 от (SPRO APRO PRAEDICPRO ADVPRO) & 2p r:pers на расстоянии от -3 до 3 от иметь praes & 2p)	« Какое право Вы имеете жалеть других? Я вовсе не хочу, чтобы Вы меня жалели!!! » [митрополит Антоний (Блум). Диалог верующего с неверующим (1972)]	56 / 1	98,2%
« <i>с какой стати</i> + личное местоимение (2 лицо) + глагол» (с на расстоянии 1 от какой gen на расстоянии 1 от стать gen на расстоянии 1 от SPRO & 2p на расстоянии 1 от V)	«— <i>Где Крым, где Рим, а где панская корчма. С какой стати ты приплел сюда мою покойницу мать? Мне говорят: скажи, я и сказал. А ты как себе хочешь</i> » [В. Г. Короленко. Без языка (1895)]	44 / 3	93,1%
« <i>зря</i> + личное местоимение (2 лицо, Им. п.)» (зря на расстоянии от -1 до 1 от (SPRO APRO PRAEDICPRO ADVPRO) & nom & 2p r:pers)	«— Зря ты его шуганул, — сказал мне Петр Иванович. — Он теперь не вернётся» [Юрий Коваль. Серая ночь (1972)]	1367 / 46	96,6%
« <i>напрасно</i> + личное местоимение (2 лицо) + сказуемое (настоящее время, 2 лицо)» (напрасно на расстоянии от -3 до 3 от (SPRO APRO PRAEDICPRO ADVPRO) & 2p r:pers на расстоянии от -3 до 3 от praes & 2p)	« И напрасно ты от меня скрываешься! Давно уж я заметила, что ты любишь другого человека» [А. Н. Островский. Гроза (1860)]	1134 / 30	97,3%
« <i>а + еще</i> + существительное (Им. п, одушевленность) + !» а на расстоянии 1 от еще на расстоянии 1 от S & nom & anim beхcl)	« <i>Cui prodest — значит «ищи, кому выгода. А еще учитель! Зачем ты вообще ночевать остался?»</i> » [Борис Акунин. Чайка // «Новый Мир», 2000]	274 / 9	96,7%
« <i>поделом</i> + личное местоимение (Д. п.)» (поделом на расстоянии от 1 до 3 от (SPRO APRO PRAEDICPRO ADVPRO) & dat r:pers)	« Поделом ему, поделом! В таком возрасте — и такое легкомыслие, такие вредные затеи!» [Роберт Штильмарк. Наследник из Калькутты (1950-1951)]	189 / 1	99,4%

Продолжение Таблицы 1

Формальное средство выражения упрёка и спецификации поискового запроса	Пример реализации в НКРЯ	N N вхождений / вне семантики упрека	Специфичность к упреку (%)
«так + личное местоимение 2-го лица (Д. п.) + <i>и</i> + <i>надо</i>» (так на расстоянии 1 от (SPRO APRO PRAEDICPRO ADVPRO) & dat & 2p r:pers на расстоянии 1 от и на расстоянии 1 от надо)	«Так тебе и надо, дуре, — <i>придумала себе развлечение</i>» [Вацлав Михальский. Для радости нужны двое (2005)]	158 / 1	99,3%
<u>вариант 1:</u> «<i>все</i> + <i>из-за</i> + личное местоимение (2 лицо)» (все SPRO на расстоянии от 1 до 3 от из-за на расстоянии 1 от (SPRO APRO PRAEDICPRO ADVPRO) & gen & 2p r:pers)	«<i>Вот теперь покупай чашку! Меня теперь мать убьет, а все из-за тебя...</i>» [А. В. Драбкина. Волшебные яблоки (1975)]	128 / 7	94,5%
<u>вариант 2:</u> «<i>я</i> + <i>из-за</i> + личное местоимение (2 лицо)» (я nom на расстоянии от -3 до 3 от из-за на расстоянии 1 от (SPRO APRO PRAEDICPRO ADVPRO) & gen & 2p r:pers)	«<i>Ты не работаешь, гад, а я из-за тебя голодным сидеть буду?</i>» [Александр Солженицын. Один день Ивана Денисовича (1961)]	313 / 22	92,9%
Всего конструкций с учетом вариантов: 34			

Заключение

Заключение суммирует итоги проделанного исследования и содержит следующие выводы по положениям, вынесенным на защиту:

1. На сегодняшний день в отечественной лингвистике существует асимметрия изучении упрёка в сторону содержательной стороны явления. Однако, системное понимание невозможно без изучения формальной стороны, в настоящее время малоисследованной.

2. Таксономический статус упрека и его дефиниция как языкового явления по-прежнему остаются предметом полемики. На сегодняшний день в научной литературе отсутствует «универсальное» определение упрека, которое признавалось бы всеми лингвистами. Сложившаяся ситуация обуславливает наш отказ от создания альтернативной дефиниции в пользу установления семантических границ явления на базе трех характеристик, в целом признаваемых лингвистами разных направлений, — контекст, субъектно-объектные отношения, коммуникативная цель. Опираясь на эти характеристики, мы видим в упреке двухкомпонентную структуру, состоящую из «обвинения» и эмоциональной «уязвленности» субъекта высказывания. Отметим, что второй компонент является определяющим для выделения упрека как отдельного вида речевой агрессии.

3. Из трех ключевых для упрека характеристик особого внимания в рамках нашего исследования заслуживает контекст. Общепринятое для прагмалингвистических работ последних десятилетий восприятие упрека как исключительно контекстуально обусловленного явления представляется спорным и требует ревизии. Корпусные данные убедительно демонстрируют, что упрек может выражаться в русском языке формальными средствами и может быть интерпретирован без привлечения контекстной информации. Наличие в русском языке «ингерентных» (способных функционировать автономно от контекста) упреков подразумевает существование абстрактных конструкций, воплощениями которых и являются конкретные корпусные реализации.

4. Методологическая триада «корпус — грамматика конструкций — регулярность формальных средств» является базой, на основании которой был сформирован экспериментальный список потенциальных конструкций упрека, а также разработан алгоритм их апробации в корпусе.

5. Итоговым результатом корпусной апробации стали 34 формальных средства выражения упрека, которые получили свое подтверждение на основе массивов корпусных выдоч.

Таким образом, теоретические положения и методологические решения, представленные в работе, а также данные, полученные в результате корпусного

поиска, убедительно свидетельствует в пользу существования «ингерентных» упреков, имеющих формальное выражение в русском языке, и демонстрируют серьезный потенциал корпусного подхода к изучению формальной стороны языковых явлений.

Основные положения настоящего диссертационного исследования получили освещение в следующих публикациях:

- Шмурак, Р. И. К уточнению понятия упрека с помощью корпусных инструментов // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2020. Т. 79. № 3. С. 24 – 48.
- Шмурак, Р. И. Формальные средства выражения упрека в русском дискурсе // Слово.ру: Балтийский акцент. 2020. Т. 11. №4. С. 65 –79.
- Шмурак, Р. И. Формальные средства выражения упрека в русском языке: к процедуре корпусного поиска (на материале конструкции «сам + небось + V») // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2021. №2. С. 83 – 92.
- 施姆拉克, 郭鸣鹤. 俄语语篇中表达责备的形式手段. 俄罗斯语言文学与文化研究, 2020 (4), 17 – 25 页. (Shmurak R. I., Guo Minghe. Éyǔ yǔpiān zhōng biǎodá zébèi de xíngshì shǒuduàn [Formal Means of Reproach in Russian Discourse] // Éluósī yǔyán wénxué yǔ wénhuà yánjiū [Russian Language Literature and Culture Studies]. 2020, №4, 17 – 25 yè.)